

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

*В.В. СЕМЕНОВА, Е.В. ПОЛУХИНА,
Е.Ю. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, А.В. СТРЕЛЬНИКОВА*

СОЦИОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ: НАУЧНЫЙ ЗАМЫСЕЛ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ¹

Аннотация. В статье представлены предварительные результаты коллективного проекта «Межпоколенческая социальная мобильности из XX в XXI веке: четыре поколения русской истории» — анализ его методологии на этапе определения наиболее перспективных и продуктивных аспектов анализа базы данных. Цель статьи — выявить возможности такого методологического приема, как соединение комплекса разнохарактерных эмпирических данных, определить пути их дальнейшего анализа. В основе методологии проекта — социобиографический подход к исследованию социальной мобильности. В статье представлены следующие его ракурсы: межпоколенный и внутривоколенный подходы,

Семенова Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, социологический факультет, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН). Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, ГАУГН. Телефон: +7 (499) 128-86-18. Электронная почта: victoria-sem@yandex.ru

Полухина Елизавета Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент, социологический факультет, ГАУГН; НИУ ВШЭ. Телефон: +7 (499) 128-86-18. Электронная почта: liza.polukhina@gmail.com

Рождественская Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, социологический факультет, ГАУГН; НИУ ВШЭ. Телефон: +7 (499) 128-86-18. Электронная почта: rigasvaverite@gmail.com

Стрельникова Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, социологический факультет, ГАУГН; НИУ ВШЭ. Телефон: +7 (499) 128-86-18. Электронная почта: astrelnikova@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» при поддержке Российского научного фонда, грант № 14-28-00217.

Руководители проекта В.А. Ядов, З.Т. Голенкова. Члены проекта, участвовавшие в написании статьи: А.В. Ваньке, М.Ф. Черныш, И.В. Тартаковская.

концепция субъективной социальной мобильности, концепция широких жизненных изменений, а также методология сочетания различных баз данных: количественных и качественных, первичных и вторичных. Статья представляет собой момент методологической рефлексии на стадии перехода от эмпирической фазы к анализу разнохарактерных данных и раскрывает логику и сложность этого перехода.

Ключевые слова: социальная мобильность; межпоколенческий анализ; субъективная мобильность; жилищная мобильность; социально-исторический контекст; биографический подход.

Для цитирования: Семенова В.В., Полухина Е.В., Рождественская Е.Ю., Стрельникова А.В. Социобиографический подход к изучению социальной мобильности: научный замысел и его реализация // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 143–164. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4590

Введение

Исследование «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», которое в настоящее время проводят авторы данной статьи, направлено на определение поля возможностей для социальной мобильности в современной России. Базу для сравнительного анализа можно было искать в двух ракурсах: межстрановом [5] или историческом. Выбрав социоисторический ракурс, мы получаем определенные преимущества: в ходе реконструирования матриц мобильности отдельных поколений появляется возможность а) отследить динамику процессов мобильности во временной перспективе; б) выяснить, какие исторические «эффекты» предопределили специфику мобильности в отдельных когортах; в) связать общие социальные процессы с внутрисемейными поколенческими изменениями; г) сравнить происходящие изменения в тенденциях социальной мобильности в рамках одного и того же социокультурного и исторического контекста России.

В ходе работы над исследованием стало ясно, что имеющийся комплекс эмпирических данных (количественных и качественных, первичных и вторичных)² требует отбора наиболее перспективных и продуктивных методологических направлений для последующего теоретического анализа этих данных в рамках социобиографического подхода. В частности, предполагалось использовать межпоколенный и внутривоколенный анализ, концепцию субъективной социальной мобильности, концепцию широких жизненных изменений.

В задачи данной статьи входит рефлексия, направленная на выбор методологических стратегий, которые позволили бы сделать наиболее эффективным анализ большого массива эмпирических материалов. Данные стратегии связаны с определением следующих позиций:

² База эмпирических данных проекта подробно характеризуется ниже.

- а) возможности и принципы комбинации вторичных и первичных данных о социальной мобильности, собранных в разные периоды;
- б) выбор подхода к анализу социальной мобильности: социальные процессы и модели индивидуальной мобильности; возможности и принципы комбинации микро- и макроданных о мобильности;
- в) рамки подхода к критериям и показателям социальной мобильности на уровне индивидуального: концепция широких жизненных изменений.

Возможности и принципы комбинации вторичных и первичных данных о социальной мобильности, собранных в разные периоды

Прежде всего необходимо пояснить, что под четырьмя изучаемыми поколениями мы понимаем следующие когорты: 1) *первое поколение «советских людей»* (годы рождения 1920–1930-е), которое на сегодняшний день уже вышло из стадии активной социальной жизнедеятельности, представлено ретроспективно и подлежит рассмотрению только на основе вторичного анализа предшествующих исследований; 2) *второе поколение «советских людей»*, которым на сегодняшний день более 60–70 лет (1940–1950-е г. р.). Эта когорта рассматривается как «прародительское» поколение, поскольку может считаться условными родителями по отношению к когорте 45–50-летних; 3) *когорта 45–50-летних*, условно «родительское» поколение (1965–1970 г. р.), чья биография охватила как советский, так и постсоветский периоды. На сегодняшний день они находятся на стадии «состоявшейся» карьеры; 4) *когорта 25–30-летних*, поколение «детей» (1985–1990 г. р.), только начинающая трудовой и жизненный путь.

Выбор этих когорт не является случайным: он продиктован возможностями информационной базы, состоящей из вторичных и первичных данных о внутрисемейной и межпоколенной социальной мобильности, собранных в разные периоды. Ниже представлены характеристики каждого источника данных.

1. Архив семейных историй, собранный по методологии биографического подхода в рамках проекта «Век социальной мобильности в России» (рук. Д. Берто и В. Семенова, 1991–1994 гг.). Он содержит информацию о внутрисемейной межпоколенной мобильности в 82 советских семьях. В общей сложности было собрано около 180 интервью, отражающих изменения в социальном положении каждой семьи в рамках трех поколений на временном отрезке от послереволюционных десятилетий до начала перестройки. Эти семьи отбирались по социальному положению молодого члена семьи (1965–1968 г. р.) как семейные кейсы из массива данных проекта «Пути поколения» (рук. М. Титма, 1983–1993 гг.) и предусматривали глубинные интервью с тремя членами семьи — представителями разных поколений (прародители — родители — дети).

Данная база используется в проекте в качестве вторичного источника и служит историческим фоном для сравнения биографических данных о современных поколениях: например, для сопоставления стартовых возможностей индивидов, анализа роли семейного капитала в продвижении последующих поколений, для отслеживания механизмов наследования/изменения социального статуса на локальном уровне, изучения стратегий преодоления социальных ограничений на мобильность отдельных категорий населения. На институциональном уровне это источник информации о влиянии на семейно-индивидуальный опыт таких социальных процессов, как изменения в системе образования, престиж отдельных социальных статусов, нормативы мобильности того или иного периода; а также о влиянии на стратегии мобильности таких социально-исторических событий как индустриализация, раскрестьянивание, война, репрессии и индивидуальные «ответы» на эти события, отраженные в процессах социальных перемещений и изменении статуса. Источник содержит информацию о субъективных представлениях респондентов о социальных возможностях в разные «советские» периоды.

2. Материалы лонгитюдного исследования «Пути поколения» (рук. М. Титма) проводившегося с 1983 по 1993 гг. в нескольких российских регионах для изучения «позднесоветского» поколения, рожденного около 1965–1968 гг. Этот источник представляет интерес с точки зрения влияния социального перелома на индивидуальные стратегии мобильности. В базе этого проекта содержатся данные о внутр поколенной (путевой) социальной мобильности поколения на жизненном отрезке от 17 до 28 лет в позднесоветский и начально-рыночный периоды. Анализ данных, отражающих жизненный путь последнего «советского» поколения, позволяет оценить уровень мобильности/стабильности в переходный период российских трансформаций. В частности, было обнаружено, что стратегии большей части поколения находились в то время в рамках «советского» нормативного проекта стабильности и на уровне массовых тенденций слабо отреагировали на институциональные изменения [2; 3]. Для целей нашего исследования эти вторичные данные представляют ценность как база для выбора возрастной генерации 1965–1968 г. р. (современной когорты с уже «состоявшейся» жизненной и профессиональной карьерой), которая и была включена в текущий проект как отдельная возрастная группа 45–50-летних для последующего анализа. К настоящему времени данные о представителях этой когорты могут быть использованы для модели ретроспективного анализа современной социально-профессиональной и жизненной карьеры (модель «состоявшейся карьеры»).

3. Первичные данные о мобильности ныне живущих поколений россиян в возрасте от 25 до 70 лет. В 2015 году авторами статьи реали-

зовано эмпирическое исследование, состоящее из двух этапов: количественного («Проект–2015») и качественного («Интервью–2015»).

Процедура массового опроса населения РФ базировалась на случайной вероятностной выборке и специально сконструирована под комплексные задачи совмещения данных о межпоколенной и внутрисемейной мобильности. Такая комплексная задача обусловила существенное увеличение размеров выборки до 5081 респондентов. Методика построена по тактике «биографической» мобильности, что позволяет фиксировать для каждой когорты а) стартовое состояние: характеристика семьи, ее социальный и культурный капитал; б) путевые характеристики: фиксация изменений в профессиональных и территориальных траекториях респондентов с промежутком в 10 лет; в) факторы фона: события и состояние институтов; г) достигнутое состояние: уровень образования, имеющаяся квалификация, полученная профессия, материальное состояние и уровень жизни; д) мотивация: оценка пройденного пути и ожидания от будущего.

Другой сегмент первичных данных («Интервью–2015») представляет собой глубинные биографические интервью (численность — 85), проведенных в трех регионах страны — Уральский (малый и большой город), Самарский (малый и большой город), город Москва. Отбор респондентов для интервью осуществлялся по критерию занимаемой позиции в профессиональной иерархии (руководящие и рядовые должности): 1-я группа — руководители среднего звена и 2-я группа — рядовые рабочие и служащие. Интервью в основном содержат субъективную информацию о внутрисемейной мобильности относительно двух возрастных когорт. Респонденты 45–50 лет представляют собой модель уже «состоявшейся карьеры». Тогда как возрастная группа 25–30-летних — модель «проектируемой карьеры» (стратегии на будущее).

Глубинное интервью, повторяя логику «Проекта–2015», проведено по тактике биографического интервью с фокусированием на стратегии социально-профессиональной карьеры и содержит следующие блоки: первичный свободный нарратив об этапах профессиональной карьеры от начала до сегодняшнего дня; стадия дополнительного расспрашивания относительно деталей и отдельных событий образовательного и профессионального пути; субъективная оценка своих достижений/перспектив, оценки успешности своей жизненной карьеры и сравнительной оценки своих достижений по сравнению с родительским поколением.

В целом, вторичные данные предыдущих исследований задают социально-исторический фон для сравнения межпоколенной мобильности на внутрисемейном уровне (проект «Век социальной мобильности»), являясь базой для социально-исторического сопоставления современных стратегий и стратегий предшествующих поколений. Совмещение вторичных данных проекта «Пути поколения» с мас-

совыми данными относительно той же когорты в «Проекте–2015» уместно для анализа внутр поколенной мобильности позднесоветской генерации, понимаемой теперь как модель «состоявшейся карьеры», субъективные данные о которой дополнены качественными данными «Интервью–2015». Кроме того, использование этих проектов вновь вводит в научный оборот большой массив социологических данных о социальной мобильности, собранных в прежние десятилетия, но оказавшихся невостребованными до настоящего момента. Отметим, что сложности в использовании вторичной базы состоят в том, что «момент замера» (сбора данных) попадает на иной исторический период — начало экономических реформ, и субъективные оценки выстроены в логике того времени. Например, резкая критика советского строя и отрицание прежних «заслуг» в социальной мобильности советского периода (к примеру, отрицается служба в КГБ) или, напротив, эйфория по поводу нового статуса предпринимателя. К тому же первоначально эти данные содержались на бумажных носителях, что потребовало их перевода в цифровую форму, пригодную для содержательного анализа в программе NVivo.

Первичные данные массового опроса «Проект–2015» позволяют провести межпоколенный анализ социальных перемещений современных когорт, а также отследить внутр поколенные социальные стратегии отдельных когорт на уровне фактической мобильности; «Интервью–2015» предполагает изучение субъективных представлений относительно мобильности двух современных когорт — модель «перспективной» карьеры (25–30 лет) и «состоявшейся» карьеры (45–50 лет).

Таким образом, в поле зрения проводимого исследования оказались три ныне живущих поколения россиян: поколение «прародителей» — те, кто родились в военные годы и в момент реформ уже были на склоне лет; поколение «родителей», достигшее зрелости в конце прошлого столетия, возмужавшее в период радикальных реформ и вошедшее во взрослую жизнь уже в новой России; самое молодое поколение родившихся в 1990-е гг. Изучение моделей мобильности данных поколений — это, по сути, возможность получить детальную информацию о том, какие изменения происходили в российском обществе, как расширялось или сужалось в нем поле социальных возможностей, какие ценности выходили на первый план, а какие, напротив, теряли свою привлекательность на протяжении десятилетий российской истории.

**Выбор подхода к анализу социальной мобильности:
социальные процессы и модели индивидуальной мобильности**

Одной из важных предпосылок нашего исследования стало предположение о том, что в настоящее время появляются новые измерения мобильности, которые накладываются на переходный характер обществ, совершающих трансформацию от социалистической системы

к рыночной. В современных исследованиях социальной мобильности внимание акцентируется на изучении «идеальных типов» перемещений в новых условиях «текучего», флюидного общества. Так, А. Аппадурай [14], рассуждая об усложнении ситуации социального выбора в современных условиях, отмечает возрастающую многомерность и сложность пространства выборов. Он выделяет такие пространства как техноскейп (по аналогии с *landscape* — ландшафт), где новые технологии открывают новые возможности и горизонты для социальных перемещений; этноскейп как пространство миграционных перемещений; а также медиаскейп, который в сочетании с идеоскейпом формируют воображаемую территорию «медиа», в которой пересекаются и влияют друг на друга каналы передачи информации и идентичности, идеи. В условиях глобализации становится также возможным *action at distance* — совершение социальных действий на больших расстояниях. Отсюда трансгрессия без физических перемещений, возможность работать или учиться за рубежом, находясь на родине.

В России как в обществе, подверженном радикальным изменениям, подобные ракурсы изучения представляются важными, соответствующими целям и задачам сравнительного анализа процессов мобильности в разные исторические периоды и в разных ситуациях. В российском контексте речь идет о так называемой *нелинейной индивидуализации*, состоящей в осознании индивидом изменчивости внешних обстоятельств и необходимости самостоятельно, с основой на собственные силы выстраивать траекторию движения в социальном пространстве. В обществе, где любые действия могут приводить к разным, зачастую непредсказуемым последствиям, важную роль играет способность принимать внешние сигналы, оценивать риски, которые связаны с тем или иным решением. Подобное состояние отличается от концепции «аномической индивидуализации», охарактеризованной классиком социологии Э. Дюркгеймом, предполагающей отчуждение от социальных структур и переживание собственной несостоятельности на фоне упорядоченной социальной жизни. В российском контексте подобное восприятие мира было бы неточным: социальная система не столько отчуждала большинство населения, сколько побуждала к дополнительной самостоятельной рефлексии относительно своих перемещений.

Опираясь на вторичный анализ данных, мы можем заключить, что на мобильность в российском обществе оказывали существенное влияние два параллельных ряда процессов — событийный и институциональный. Поток событий, порой непредсказуемых, влиял на сознание граждан, побуждал к тому, чтобы пересматривать жизненные планы или вовсе отказываться от всякого планирования. Институциональный ряд был связан с событийным уже потому, что институты общества находились в постоянном движении. Институциональные факторы включали значительные изменения в системах управления, образова-

ния, здравоохранения, социальной поддержки, эволюции общества от закрытости к открытости в том, что касалось территориальной, географической мобильности. В рефлексии по поводу мобильности индивид определял для себя возможные векторы, ориентируясь на общественные расклады, реконструируя микрогруппы, определяя значимых других, задающих ценностные образцы и ролевые модели.

В жизни всех четырех поколений большую роль в определении направления мобильности играла семья, но, кроме того, и последовательность встреч с людьми, способными делиться знаниями и опытом. Общий фон жизни позволял индивидам формировать то, что можно было бы охарактеризовать как желательную траекторию социального продвижения. В настоящем исследовании данная схема и рефлексивное состояние, возникающее по поводу мобильности, определяются как «субъективная мобильность». В нашем случае предполагается не просто демаркация соответствующей группы, а набор институциональных характеристик, которые индивид хотел бы приобрести. В поисках траектории мобильности индивид может мечтать не столько о том, чтобы оказаться в «группе», сколько, к примеру, о том, чтобы получить определенный профиль и уровень образования, иметь определенные условия труда, проживать в определенном, желаемом городе или другом населенном пункте. Желательная траектория мобильности постоянно переосмысливается с учетом достигнутого, текущих потерь и приобретений. По результатам рефлексии ставятся новые цели и выбираются средства для их достижения. Двигаясь в социальном пространстве, реализуя задуманное или терпя поражение, индивид оценивает возможности социальной системы, ее справедливость, рефлексиирует по поводу конечных целей, которые когда-то были поставлены и которые пришлось пересматривать, соотнося с обстоятельствами. Данная рефлексия важна для понимания мобильности, потому что в дальнейшем она становится частью коллективного опыта и формирует представления о социальных возможностях у следующего поколения.

Таким образом, в нашем исследовании предполагается зафиксировать набор объективных и субъективных характеристик мобильности (см. диаграмму):

1. Стартовое состояние, заключенное в характеристике семьи, накопленном ею социальном и культурном капитале [1], который она хотела бы передать детям.

2. Факторы фона: социально-исторические события и состояние институтов; локальные характеристики окружения.

3. Достигнутое социальное положение, раскрытое в уровне образования, имеющейся квалификации, полученной профессии, реализуемой на рабочем месте (для работающих).

4. Субъективная оценка своего опыта мобильности и постановка новых задач.

Диаграмма. Схема анализа социальной мобильности

При реализации теоретической модели социобиографического подхода к социальной мобильности в разных исторических обстоятельствах мы имеем дело с двумя конструктами: с одной стороны, социально-институциональные и событийные факторы, процессы, изменения и, с другой стороны, — собственно биографические проекты как различные биографически-дифференцированные ответы на внешние социальные обстоятельства.

В реализации замысла относительно взаимодействия этих конструктов может быть два пути:

1. Описание социальных процессов методом «натуральной истории» (Р. Парк) как концентрация на типических ситуациях и поворотных точках биографического процесса вследствие социальных изменений: как осуществляются старты, проекции мобильности, направления индивидуальной мобильности в тех или иных обстоятельствах; как осуществляется вплетенность индивидуального в социальное; какие возникают ответы на социальные изменения. Тогда мы получаем ответы на исследовательские вопросы: «Каким образом конструируются и реализуются процессы через биографически-типичные условия и ситуации? Как различаются биографические «ответы» в разных социальных обстоятельствах и какие личные обстоятельства являются препятствием при реализации данных процессов?» Так, например, немецкий социолог Ф. Шютце демонстрирует суть этого подхода через модель анализа образовательной карьеры студента по стадиям: вступительный экзамен, посещение занятий, тесты, экзамены, защита диплома, поиск работы (цит. по: [20]).

2. Другой путь — отталкиваться от самих биографических конструкций и их структуры в изучении данного феномена или процесса. Например, Ф. Шютце демонстрирует это на примере миграции, тогда модель постадийной реализации процесса будет состоять из следу-

ющих стадий уже как индивидуального биографического проекта: биографический план миграции (biographical action scheme), траектория, столкновение с новой реальностью (biographical trajectory), новый биографический план (new biographical scheme), контроль над обстоятельствами, адаптация к новой реальности. Такой подход дает знание о процессе реализации жизненного плана по стадиям, процессе становления. Тут ответы на другие вопросы: как индивидуальные стратегии формируют социальные процессы в разных жизненных обстоятельствах [20].

Если исследователь выбирает первый подход, то освещает скорее организационные, структурные и социальные аспекты изучения процессов, если второй — то фокусируется скорее на коллективном или индивидуальном уровне осуществления (реализации) социальных процессов и в то же время на биографической работе [23]. Подобный подход базируется на наследии Чикагской школы и трансформируется в зависимости от задач исследователя, исходя из фокуса его интереса к историческому, социальному или трансформационному ракурсу изучения феноменов. Он не раскрывает хода социального процесса, но обогащают знание о них и заставляют посмотреть на них с новой стороны.

Описанные стратегии сосуществуют и дополняют друг друга, и в реальности исследователи выбирают сочетание двух стратегий. В нашем анализе данных мы будем придерживаться скорее такого «совмещенного» подхода, при котором индивидуальные стратегии рассматриваются на фоне социально-исторических процессов и событий, а биографии конструируются и модифицируются под влиянием социальных изменений.

С точки зрения преломления социального в индивидуальном интересен один конкретный результат, полученный в ходе нашего эмпирического исследования: в биографических нарративах в качестве одного из значимых личностных событий, повлиявших на траекторию жизни, назывались не личные события, но экономические кризисы последних лет — кризисы 1998, 2008 годов, которые резко меняли институциональную принадлежность (переход из государственной структуры в частную или наоборот) и профессиональную карьеру респондентов, а также теперешний экономический спад, который заставляет их задуматься о перспективах дальнейшей реализации своих жизненных планов.

На уровне процессуального (или институционального) анализа мы сможем решить задачи первого ряда — сконцентрироваться на типичных ситуациях и поворотных точках биографического процесса вследствие социальных изменений через данные массовых количественных опросов, а на основании биографических данных — решить задачи второго ряда — отследить субъективную составляющую перемещений

в советский и современный периоды: охарактеризовать представления о социальных возможностях, успешности трудовой карьеры, реализованных/нереализованных планах, содержательно описать ситуации перемещений, биографические кризисы, опираясь на совмещение типического и индивидуального.

В данном направлении для дальнейшего анализа наиболее перспективным представляется *выстраивание определенных нормативных моделей мобильности, характерных для определенных исторических отрезков*. Для более молодых поколений, начиная с поколения 45–50-летних, это прежде всего новые измерения и модели мобильности, характеризующие с точки зрения стабильности социально-профессиональной карьеры: переход из государственных структур в частные; прекаризация; вхождение в международный рынок занятости; дистанционные формы занятости.

Привлечение социально-исторического контекста социальных перемещений — то есть анализ общесоциальных нормативов мобильности в разные периоды российской истории — понимается в самом общем плане как движение от единого однолинейного структурно-организационного норматива мобильности в индустриальную эпоху советского периода в сторону усложнения и многовариантности социального норматива мобильности, характерного для карьер современного типа. Четкой организации трудового пути более не существует; как следствие уменьшается значение структуры, возрастает роль агента в конструировании собственного биографического проекта [8].

Современные карьеры все больше характеризуются нелинейностью, гибкостью, изменчивостью, индивидуальной ответственностью, значимостью общих компетенций [22]. На смену общенормативным регуляторам социального продвижения и единому образцу приходит новый тип активного жизнеустройства своей трудовой и жизненной карьеры, который описывается через термин рефлексивная (или субъективная) биография. Ей свойственна особо рода ментальность — «сам себе хозяин», или индивидуализированный биографический режим. Здесь главной целью становится активное создание себя, что включает ряд индивидуальных выборов: индивидуальные риски при принятии решений, отход от стандартов своего класса, постоянство своей образовательной деятельности, самоконтроль над собственной биографией, индивидуальные выборы [12].

Рамки подхода к критериям и показателям социальной мобильности на уровне индивидуального: концепция жизненных изменений

Помимо реальных трудовых перемещений между рабочими местами и типами предприятий, нами рассматривается символическая [24], или субъективная мобильность [7; 21] — субъективные смыслы, вкладываемые в подобные перемещения. При традиционном подходе

к социальной мобильности субъективная мобильность понимается как субъективное восприятие (perception), оценка индивидом или группой собственного положения и перемещений вверх/вниз по социальной лестнице в межгенерационной перспективе, то есть по сравнению с родительским поколением [22]. Эмпирически это измеряется путем соотнесения себя с родительским поколением на шкале мобильности как стартовой точкой своего «происхождения» и субъективной оценкой своего движения вверх/вниз [21]. В рамках же принятого нами социобиографического подхода логика изучения субъективной социальной мобильности должна быть другой. Во-первых, как показали результаты полевого этапа, в российской ситуации прямое сравнение с родительским поколением по шкале выше/ниже по разным параметрам сравнительной оценки у респондентов существенно затруднено в связи с крупными социально-экономическими переменами, произошедшими за последние десятилетия. Например, как оценить по единой шкале переход из состояния наемного работника государственного предприятия в разряд частных предпринимателей или оценить по единой шкале изменения в оплате труда и уровне благосостояния. Далее, социобиографический подход в качественной парадигме предполагает скорее ориентацию на узколокальный контекст мобильности: непосредственный локально-семейный контекст, который формирует общий биографический опыт респондентов и предопределяет их социальные выборы. Тогда в центре анализа будут вопросы, связанные с семейным капиталом родительской семьи, с общей жизненной ориентацией респондентов, а также с влиянием непосредственного окружения на индивидуальные стратегии мобильности. И наконец, субъективные смыслы, вкладываемые в подобные перемещения, включают в себя широкий круг субъективных ориентаций на качество жизни, соответствующих определенному статусу: стиль жизни, место проживания, культурные ориентиры, свойственные определенной социальной нише, «значимым другим» в близком окружении.

Предварительный анализ позволяет на основе этих критериев субъективной социальной мобильности выстраивать отдельные модели индивидуальной мобильности: например, дихотомические модели «акторов»/«ведомых» как субъектов своих стратегий или же индивидов, скорее инерционно подчиняющихся влиянию внешних обстоятельств. Такое моделирование представляется перспективным с позиции и субъективного подхода, и сравнительного подхода на межгенерационном континууме.

При субъектном подходе важен также фокус на самых существенных, с точки зрения индивида, событиях жизни, предопределивших мобильность, и их оценка самими акторами. В методологическом ключе это можно определить как событийно-структурный анализ, где предметом интереса является логическая последовательность событий,

через которые разворачивается социальная активность индивида [18; 19]. Методология качественного событийного анализа позволяет «развернуть» временной порядок, понять связность и развитие событий в нарративе. События фиксируются как таковые благодаря нарративным усилиям самих респондентов, когда каждое событие описывается респондентом как связанное с другими и обуславливает их.

Интересно отметить, что согласно собранным интервью не все респонденты способны вычленивать отдельные знаковые события своей жизни, считают свою жизнь «бессобытийной». Это свидетельствует о том, что само «наличие событий» является значимым критерием дифференциации жизненного опыта и стратегий мобильности на «актеров», принимающих решения и осуществляющих выбор, и «ведомых», подчиняющихся обстоятельствам и влиянию внешней изменяющейся среды.

Итак, фокусными точками для осуществления качественного подхода к субъективной социальной мобильности при дальнейшем анализе будут служить: а) фокус на локальном контексте перемещений; б) субъективная оценка своих перемещений в социальном пространстве в понятиях «социального успеха»; в) рассмотрение стратегии мобильности в рамках общего биографического опыта респондентов в понятиях достижения/перспективы и информация о возможных барьерах мобильности: почему не достигли? что препятствовало движению? (Например, отсутствие семейного капитала, связей в более высоких стратах, отсутствие финансов, рождение ребенка, гендерные ограничения и т. д.); г) фиксация существенных с точки зрения респондента жизненных событий, предопределивших конфигурацию его социально-профессиональную траектории.

Перспективы анализа данных: контуры «новых» концепций

В ходе работы мы обнаружили концептуальные «ниши», которые требуют своего отдельного рассмотрения и анализа. Это концепция «широких жизненных изменений», концепция жилищной мобильности, а также концепция социальной дифференциации на примере отдельных социальных групп.

1. *Концепция «широких жизненных изменений».* Поскольку вслед за З.Бауманом [16] мы рассматриваем профессиональную занятость как лишь один из аспектов социальной идентичности индивида, которая определяется также практиками потребления, стилевыми претензиями, обустройством приватной сферы жизни, особый интерес для нас представляет «вписывание» стилевых и потребительских предпочтений в ситуацию, определяемую возможностями рынка труда. Данные количественного исследования позволяют отслеживать изменения в жизни респондента сразу в нескольких взаимосвязанных измерениях — занятость (работа, которую респондент выполнял на

разных этапах своей жизни); профессиональный статус (профессии, которые он получал и использовал в разные периоды своей биографии); образовательный, а также экономический статусы (уровень материального достатка в разные периоды жизни, жилищные условия).

Интерес к концепции широких жизненных изменений как аспекту социальной мобильности сформировался в результате полевого этапа исследования. Респонденты фиксировали свои социальные достижения и будущие перспективы скорее не в терминах собственно мобильности (продолжить карьеру, стать руководителем, реализовать себя в профессии, достичь профессиональных успехов), но больше в терминах изменения социального статуса и сопровождающего его стиля жизни (получить достойную оплату за свой труд, улучшить жилищные условия, переехать в другую климатическую зону, построить свой дом). Отсюда и возник этот вектор анализа как отдельное направление в рассмотрении социальной мобильности, связанное скорее с полем социальных возможностей и возможностей для потребления. Скорее люди ощущают свое движение в русле тех социальных возможностей по улучшению качества жизни, которые открываются на определенном месте в сравнении с возможностями родительского поколения. Если их условия жизни лучше — они субъективно ощущают «движение вверх», даже если это связано с общим социальным фоном, а не с движением по лестнице занятости. За «изменением позиции» стоит «изменение в условиях жизни». Поэтому необходимо дополнительно исследовать, что в глазах индивидов стоит за «движением вверх» или «движением вниз» [15].

2. *Концепция жилищной мобильности.* Отдельный интерес для нас представляет аспект жилищных перемещений (тип жилья, в котором респондент проживал в разные периоды), обычно не затрагиваемый при изучении социальной мобильности. Согласно концепции Джона Урри, социальные взаимодействия всегда пространственно опосредованы, и мобильность можно понимать как «реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени» [13, с. 25–26]. Отметим, что в традиционных исследованиях объективной социальной мобильности вполне могут использоваться «пространственные» переменные (регион проживания, тип населенного пункта), что обычно связывается с традиционными стратификационными осями [6]. Однако до недавнего времени среди российских авторов жилищная и пространственная составляющая социальной мобильности практически не становилась объектом для самостоятельного изучения. В противовес этому мы понимаем пространственно-жилищные аспекты мобильности как важную часть жизненных траекторий и полагаем, что опыт переездов (как добровольных, так и вынужденных) и смены жилища накладывается на личные и семейные биографические сюжеты [11]. Жилище,

будучи постоянным, «освоенным» местом обитания, отражает статус и стиль жизни индивида, его символическое пространство и в то же время структурирует его последующие жизненные выборы. В биографических рассказах о жилищной мобильности можно выделить следующие типы: переезды как поворотные моменты биографии (наличие намерений по поводу переездов в разные периоды жизни, практика реализованных переездов, количество переездов и их направленность); характеристики «приживаемости» индивидов после переездов (формирование и закрепление статусных позиций в новом пространстве, обретение дружеского окружения, освоение пространства и его инфраструктуры и т. д.); формирование своего личного пространства в интерьере жилища и отражение в этом пространстве своего статуса, достижений, представлений о жизненном успехе, а также представления индивида об идеальном жилище, о желательном и нежелательном соседстве.

Если говорить об исторической перспективе, то социальное значение жилья, равно как и механизмы его получения, с течением времени резко изменялись. В современной России следствием этих изменений и коммерциализации жилищной сферы становится растущая социальная дифференциация: появился класс «рантье», живущий за счет доходов от недвижимости и имеющий возможность не участвовать в трудовых отношениях. Появились дополнительные возможности для «сезонных» перемещений [9] (дача как летний дом или жизнь на «два дома»); выбор в пользу временного съема квартиры, ориентации на частую смену места жительства и жилья, особенно характерные для молодых поколений. Одновременно с этим появляются социально незащищенные группы («обманутые дольщики», плательщики «долларовой ипотеки»), образовавшиеся вследствие нестабильности рыночных институтов. Приобретение жилища становится главным субъективно значимым мерилем жизненного успеха.

Привлечение категории жилищной мобильности [10] в анализ современных трендов социальной мобильности становится важным инновационным аспектом изучения социальных перемещений. Для дальнейшего анализа значимыми являются ответы на вопросы: как менялось значение жилья у людей различных социальных классов и поколений? каким образом жилищный статус/опыт предопределяет траекторию социальной мобильности? в каких контекстах «жилье» создает социальные возможности, является поводом для социального продвижения, а в каких — причиной социальных ограничений?

3. *Концепция социальной дифференциации на примере отдельных социальных групп.* Проблематика социальной мобильности естественным образом ставит вопросы об усилении социальной дифференциации или размывании границ между отдельными группами внутри возрастных поколений. В связи с этим отдельным аспектом анализа

является сравнительный анализ отдельных групп внутри поколений. Нами выделяются определенные социальные группы для дальнейшего сравнительного анализа социальных траекторий (в частности руководители среднего звена и рядовые служащие, «синие воротнички» — представители индустриальных рабочих и низкооплачиваемых работников сферы сервиса). В условиях неолиберальных реформ положение последних становится особенно сложным не только в экономическом аспекте, но и с точки зрения социальной самоидентификации. Если говорить в терминах Бурдьё, то символический капитал, которым обладали представители советского рабочего класса, оказался растрочен и нивелирован. Как показывают текущие исследования, это обстоятельство дало дополнительный толчок социальной мобильности рабочих, которая оказалась разнонаправленной — в частности, способствовала перетеканию рабочей силы в сервисный сектор, что далеко не всегда давало материальный выигрыш, но иногда позволяло переформатировать свою социальную идентичность [17; 24].

Как показывают предварительные результаты нашего эмпирического исследования, в контексте ограниченных возможностей для объективной мобильности молодые рабочие, тем не менее, стремятся символически повысить свой статус за счет инвестирования во внешние атрибуты, например, в свою внешность, а также за счет престижного потребления — в первую очередь за счет покупки модных товаров и гаджетов в кредит [4]. Постановка проблемы в этом ракурсе позволяет, с одной стороны, выдвинуть предположение о размывании границ между социальными средами в российском обществе, а с другой, — обозначить тенденцию на усиление разрыва между богатыми и бедными, «успешными» и «неудачниками».

Упомянутый выше социобиографический подход перспективен и для анализа гендерных различий мужского и женского жизненного пути. В концептуальном плане — это тема баланса жизни и труда, что еще раз свидетельствует о переносе центра тяжести в конструировании жизненной стратегии на индивидуальный выбор, индивидуальные предпочтения и самостоятельные решения. Здесь отправными посылками для анализа современных принципов организации баланса жизни и труда являются уже описанные социальные процессы: дерегуляция трудовых отношений, возросшая нестабильность жизни, индивидуализация биографического проекта, отсутствие общесоциальных нормативов мобильности. Межпоколенные сравнения позволяют ответить на вопрос, насколько выражены эти подвижки в балансе жизни и труда в поколенческом срезе, а также как с этой задачей по-разному справляются мужчины и женщины, особенно в ситуациях трансформаций или экономического кризиса (безработица, неполный рабочий день, позиция мужчины-домохозяйки). Нестабильная занятость, приводящая к снижению социального

статуса мужчины, компенсируется перераспределением гендеризированных домашних обязанностей между ним и супругой, нарушает нормативную модель мужественности.

Заключение

В современном обществе, где направления мобильности перестают быть однолинейными и социально-нормированными, не всегда предсказуемыми, требующими учета социальных рисков и индивидуальной рефлексии относительно последствий своих решений, традиционные социологические подходы к мобильности тоже требуют ревизии и переосмысления. Специфика современных трендов мобильности может быть понята только на основе сравнения с предшествующими конфигурациями мобильности, при сопоставительном анализе отдельных социальных групп, различающихся по своему социальному опыту, возрастным характеристикам, критериям успешности, — представляющих различные модели мобильности в рамках одной социальной ситуации.

Избранный нами социобиографический подход предполагает переориентацию исследовательского интереса к проблематике социальной мобильности на реальных субъектов социальных перемещений и их повседневные практики, вписанные в жизненный опыт и определенные жизненные обстоятельства: как отдельные группы и индивиды реализуют социальные нормативы мобильности; как выстраивают свои стратегии мобильности/иммобильности; какие смыслы вкладывают в свои траектории, как реагируют на социальные процессы и изменения. С позиции социобиографического подхода нас интересует, как из индивидуальных решений выстраиваются новые образцы мобильности, как они формируют новые тренды в ответ на социальные вызовы и риски. Подобные модели, выстроенные для отдельных поколений, при дальнейшем межпоколенном сравнительном анализе могут дать ответ на вопрос о социоисторических изменениях в потоках социальной мобильности.

Естественно, предполагая разные ракурсы рассмотрения перемещений индивидов и групп в поле социальных возможностей, мы понимаем, что каждый из подходов обладает своими достоинствами и ограничениями, и основываемся на «комплиментарной» модели их триангуляции. Как отмечает Келли, методологическая рефлексия о характере интеграции методов базируется на теоретическом понимании тех социальных процессов, которые подлежат рассмотрению: как соотносятся в реальном поле изучения социальные структуры и действия отдельных акторов [21]. При нашем подходе, с одной стороны, исследуются общесоциальные процессы и нормативы мобильности, а с другой стороны, — анализируется локальный контекст среды и индивидуально/групповые мотивации, субъектность индивидов

в понятиях «актор»/«ведомый». При таком подходе исследователь сосредоточивается на проблемах локального подхода к мобильности: на ситуациях выбора, рисков и индивидуализированной ответственности за свой выбор, которые оказываются зачастую наиболее значимым стимулятором «реальной» мобильности и формируют новые социальные тренды на уровне повседневных практик. Это направление анализа ставит также дополнительную перспективную социокультурную задачу — как формируется и функционирует «тезаурус мобильности» на языке обыденного знания, на языке повседневности в разных социокультурных средах; что означает социальный успех и социальное продвижение в глазах различных социальных групп — от мигрантов до представителей бизнес элит.

Социобиографический подход позволяет вычлениить в процессах социальных перемещений субъективные характеристики, которые в конечном счете и обуславливают меру участия мужчин и женщин в рынках образования и труда, их решения относительно стабильности/мобильности, ориентации на различные стили жизни, практики потребления, а также траектории мобильности, что в результате образует общесоциальные нормативы в семейно-приватной и публичной жизни.

Реализуемое исследование обладает сложной архитектурой во многих смыслах. Оно охватывает исследовательские базы различного происхождения, но с общими методологическими принципами, что на стадии анализа выдвигает существенные требования к совмещению оптик и соблюдению принципов компаративистики. Как мы полагаем, эти усилия оправданы в продвижении к основной цели — пониманию роли, которую социальные акторы играют в общих потоках социальной мобильности, находясь в разных социально-исторических обстоятельствах и под одновременным влиянием объективных ситуаций и субъективно полагаяемого смысла, придаваемого социальному продвижению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2013. — 288 с.
2. *Бурлуцкая М.Г.* Проблемы измерения социальной мобильности // Рубеж. 1998. № 12. С. 144–157.
3. *Бурлуцкая М.Г.* Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси). М.: МОНФ, 2000. С. 309–316.
4. *Ваньке А.В., Тартаковская И.Н.* Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016 (в печати).

5. Гимпельсон В., Монусова Г. Отношение к неравенству: существует ли «туннельный эффект»? // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 2 (18). 2014. С. 216–226.
6. Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.
7. Зудина А.А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. № 3 (14). С. 27–63.
8. Омельченко Е., Сабирова Г., Крупец Я. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 9–25.
9. Полухина Е.В. Особенности социального порядка в постсоветском дачном пространстве: труд, поколения и гендер // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 3. С. 22–31.
10. Полухина Е., Горяйнова А. Жилищные траектории московских семей в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 47–59.
11. Стрельникова А.В. Пространственные проекции социальной мобильности: перемещения как доминантные события биографического повествования // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 10. С. 39–47.
12. Тартаковская И.Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93
13. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия // Социологическое обозрение. 2001. № 1 (1). С. 25–35.
14. Appadurai A. Globalization. Durham: Duke University Press Book, 2001. — 362 p.
15. Atkinson W. Class, Individualization and Late Modernity: In Search of the Reflexive Worker. Basingstoke: Palgrave, 2010. — 256 p. DOI: 10.1057/9780230290655
16. Bauman Z. Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham: Open University Press, 1998. — 106 p.
17. Connor W.D. Class, Status and Powerlessness: Workers in Post-communist Russia // The Legacy of State Socialism and the Future of Transformation / Ed. by D. Lane. New York: Rowman and Littlefield, 2002.
18. Griffin L.J. Narrative, Event-structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // American Journal of Sociology. 1993. No. 98. P. 1094–1133. DOI: 10.1086/230140
19. Griffin L.J., Korstad R.R., Heise D. Historical Inference and Event-Structure Analysis // International Review of Social History. 1998. No. 43. P. 145–165. DOI: 10.1017/S0020859000115135
20. Kazmierska K. Narrative Interview as a Method of Biographical Analysis // Qualitative Research: Different Perspectives, Emerging Trends / Ed. by J. Fikfak, F. Adam, D. Garz; Institute of Slovenian Ethnology. Ljubljana: ZRC, 2004. P. 153–172.

21. *Kelley S.M.C., Kelley C.G.E.* Subjective Social Mobility: Data from 30 nations // *Charting the Globe: The International Social Survey Programme 1984–2009* / Ed. by M. Haller, T. Smith. London: Routledge, 2009. — 467 p.
22. *Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Roux B., Friedman S., Miles A.* A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment // *Sociology*. 2013. Vol. 2. No. 47. P. 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128
23. *Schutz F.* Biographier forschung und narrative Interview // *Neue Praxis*. 1983. Vol. 3. P. 283–294.
24. *Walker C.* Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition. London and New York: Routledge, 2011. — 248 p.

Дата поступления: 30.03.2016.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL
2016. VOL. 22. NO. 3. P. 143–164. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4590

SEMENOVA V.V., POLUKHINA E.V., ROZHDESTVENSKAYA E.YU., STRELNIKOVA A.V.

State Academic University for the Humanities (GAUGN), Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation.

Viktoriya V. Semenova — Doctor of Sociological Sciences, Professor in Sociology, State Academic University for the Humanities (GAUGN).

Address: Krzhizhanovskogo str., 24/35, bl. 5, 117218, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7 (499) 128-86-18. **Email:** victoria-sem@yandex.ru.

Elizaveta V. Polukhina — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor in Sociology, GAUGN, and HSE. **Phone:** +7 (499) 128-86-18.

Email: liza.polukhina@gmail.com

Elena Yu. Rozhdestvenskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor in Sociology, GAUGN, and HSE. **Phone:** +7 (499) 128-86-18.

Email: rigasvaverite@gmail.com

Anna V. Strelnikova — Candidate of Sociological Sciences, GAUGN, and HSE. **Phone:** +7 (499) 128-86-18. **Email:** astrelnikova@hse.ru

SOCIO-BIOGRAPHICAL APPROACH TO SOCIAL MOBILITY:

CONCEPT AND IT'S REALIZATION

Abstract. The article presents preliminary results of the collective project “Intergenerational mobility from 20th to 21st century: four generations of Russian history”. It aims to enrich the project's methodological assumptions by looking for the most effective and promising ways to analyze the collected data. The article sets out explore the ways to fuse different data into a single complex and determines strategies of further analysis. The strategy is based on the socio-biographical approach to social mobility. The article presents its various aspects — intergenerational and intragenerational, a concept of subjective social mobility and variations in merging various types of data — qualitative, quantitative, primary and secondary. The article gets into methodological reflexion faced with a necessity to pass from an empirical to an analytical stage. It delineates possible strategies to analyze variegated data and reveals the logical foundations and complexities of such a transition.

Keywords: social mobility; intergenerational analysis; subjective mobility; residential mobility; socio-historical context; biographical approach.

The article is prepared under the project “Intergenerational social mobility from XX to XXI century: four generations of Russian history”, supported by the Russian Science Foundation grant № 14-28-00217.

For citation: Semenova V.V., Polukhina E.V., Rozhdestvenskaya E.Yu., Strelnikova A.V. Social Mobility in Four Generations: from XX to XXI Century. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2016. Vol. 22. No. 3. P. 143–164. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4590

REFERENCES

1. Bourdieu P. Sociology of social space. [Russ. ed.: Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Transl. from French by N.A. Shmatko. St Petersburg: Aleteiya publ., 2013. 288 p.]
2. Burlutskaya M.G. The problem of social mobility measurement. *Rubezh*. 1998. No. 12. P. 144–157. (In Russ.)
3. Burlutskaya M.G. Mezhpokolennaya mobil'nost' v sovremennoi Rossii: novye vozmozhnosti ili novye prepyatstviya? [Inter-generation mobility in contemporary Russia: new possibilities or new barriers?] *Problemy, uspekhi i trudnosti perekhodnoi ekonomiki (Opyt Rossii i Belarusi)*. Moscow: MONF publ., 2000. P. 309–316.
4. Van'ke A.V., Tartakovskaya I.N. The transformations of masculinity of Russian workers in the context of social mobility. *Mir Rossii*. 2016. [In print]. (In Russ.)
5. Gimpel'son V., Monusova G. Attitudes towards inequality: Is the “tunnel effect” exist? *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. No. 2 (18). 2014. P. 216–226. (In Russ.)
6. Gorshkov M.K. Russian everyday life in the crisis: a sociological review. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009. No. 12. P. 36–47. (In Russ.)
7. Zudina A.A. Informal work and subjective social status: the case of Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2013. No. 3 (14). P. 27–63. (In Russ.)
8. Omel'chenko E., Sabirova G., Krupets Ya. Social mobility of youth in the focus of triple reflection. *INTERaktsiya. INTERv'yu. INTERpretatsiya*. 2015. No. 10. P. 9–25. (In Russ.)
9. Polukhina E.V. Social order in the post-soviet “dacha” space: labour, generations, and gender. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2014. No. 3. P. 22–31. (In Russ.)
10. Polukhina E., Goryainova A. Housing trajectories of Moscow families in the XX century as the object of secondary biographical analysis. *INTERaktsiya. INTERv'yu. INTERpretatsiya*. 2015. No. 10. P. 47–59. (In Russ.)
11. Strel'nikova A.V. Social mobility and its spatial projections: Moving as significant event in the biography narration. *INTERaktsiya. INTERv'yu. INTERpretatsiya*. 2015. No. 10. P. 39–47. (In Russ.)
12. Tartakovskaya I.N. Construction of gender structure by career strategies: example of intersection analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. No. 5. P. 84–93. (In Russ.)
13. Urri Dzh. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2001. No. 1 (1). P. 25–35.
14. Appadurai A. *Globalization*. Durham: Duke University Press Book, 2001. 362 p.
15. Atkinson W. *Class, Individualization and Late Modernity: In Search of the Reflexive Worker*. Basingstoke: Palgrave, 2010. 256 p. DOI: 10.1057/9780230290655

16. Bauman Z. *Work, Consumerism and the New Poor*. Buckingham: Open University Press, 1998. 106 p.
17. Connor W.D. Class, Status and Powerlessness: Workers in Post-communist Russia. *The Legacy of State Socialism and the Future of Transformation*. Ed. by D. Lane. New York: Rowman and Littlefield, 2002.
18. Griffin L.J. Narrative, Event-structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology. *American Journal of Sociology*. 1993. No. 98. P. 1094–1133. DOI: 10.1086/230140
19. Griffin L.J., Korstad R.R., Heise D. Historical Inference and Event-Structure Analysis. *International Review of Social History*. 1998. No. 43. P. 145–165. DOI: 10.1017/S0020859000115135
20. Kazmierska K. Narrative Interview as a Method of Biographical Analysis. *Qualitative Research: Different Perspectives, Emerging Trends*. Ed. by J. Fikfak, F. Adam, D. Garz; Institute of Slovenian Ethnology. Ljubljana: ZRC, 2004. P. 153–172.
21. Kelley S.M.C., Kelley C.G.E. Subjective Social Mobility: Data from 30 nations. *Charting the Globe: The International Social Survey Programme 1984–2009*. Ed by M. Haller, T. Smith. L.: Routledge, 2009. 467 p.
22. Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Roux B., Friedman S., Miles A. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment. *Sociology*. 2013. Vol. 2. No. 47. P. 219–250. DOI: 10.1177/0038038513481128
23. Schutze F. *Biographier forschung und narrative Interview*. Neue Praxis. 1983. Vol. 3. P. 283–294.
24. Walker C. *Learning to Labour in Post-Soviet Russia: Vocational Youth in Transition*. L. and New York: Routledge, 2011. 248 p.

Received: 30.03.2016.
